

—

Поскольку у семьи Цзинь были договоренности о браке с семьями Тао и Чжоу, к концу года в поместье стало еще оживленнее. Семьи Цзинь, Чжоу и Тао пользовались большой репутацией в столице. Теперь, когда они породнились, обмен любезностями стал еще более частым, чем в прошлые годы. Все, кто был хоть немного связан родством и имел хоть какое-то положение, присылали визитные карточки.

Дамы каждый день принимали нескончаемый поток гостей, а Фу Мин был еще более занят. У Цзинь И еще не были закончены дела в Ямэне, поэтому если приходили мужчины-гости, он должен был их принимать. В этот период дел было еще больше, чем во время недавнего повышения Цзинь И. Действительно, одна семья в одиночку не так сильна, как несколько семей, объединенных одним духом. Фу Мин постепенно осознал эту истину, наблюдая за человеческими отношениями. Он сам был из знатной семьи и знал, что для того, чтобы семья процветала, нужно приложить немало усилий, а упадок или процветание семьи влияли на средства к существованию и будущее многих людей. Поэтому он не винил старую госпожу и Цзинь И за их выбор. Но понимание не означало безоговорочное принятие. В эти дни, каждый раз, когда гости приходили, ссылаясь на старые связи с семьей Чжоу, он, хоть и относился к ним вежливо, чувствовал себя неловко. Размышляя о будущем, он часто хмурился и внутренне вздыхал.

Но сейчас он по-прежнему был единственным для Цзинь И в поместье Цзинь. Этот год – первый год, который он провел с Цзинь И с момента прибытия в особняк Цзинь, и, возможно, самым спокойным и мирным с этого момента. Он не хотел оставлять никаких сожалений, поэтому изо всех сил старался привести себя в порядок, чтобы грусть на его лице постепенно рассеялась. Поэтому каждый раз, когда Цзинь И возвращался домой и видел Фу Мина, тот всегда улыбался, и его взгляд был нежным и сосредоточенным, и эта улыбка часто трогала сердце Цзинь И.

—

Поменяли фонари, наклеили новогодние парные надписи, в большом фарфоровом сосуде в главном зале стояли ветки красной сливы, принесли в жертву свиней и овец предкам, и наступил канун Нового года.

Вся семья, поужинав вместе, собралась в комнате старой госпожи, чтобы встретить Новый год.

Тао Ян потратил много денег, чтобы нанять трех женщин-рассказчиц, но не отправил их к себе домой, а попросил их прийти прямо в поместье Цзинь. Эти женщины-рассказчицы были известны в столице в течение последних нескольких месяцев, они были красивы, хорошо пели, играли на инструментах и умели читать по лицам, знали, как шутить. С ними канун Нового года был действительно веселым и интересным. После того как они исполнили несколько популярных произведений, старая госпожа почувствовала, что это неинтересно и слишком шумно, и отослала их.

В комнате стало тихо, остались только члены семьи.

Фу Мин и Жэньлань только сейчас смогли увидеться. Жэньлань, видя спокойное и радостное выражение лица Фу Мина, а также его гармоничные и веселые отношения с ее старшим братом, успокоилась. Фу Мин, видя, что Жэньлань выглядит очень хорошо, ее кожа стала немного румяней, понял, что она чувствует себя хорошо как телом, так и душой, и также

обрадовался.

Хотя у них не было кровного родства, они относились друг к другу как к настоящим брату и сестре.

На самом деле, старая госпожа уже чувствовала раскаяние. После того как гнев утих, она снова подумала, что хотя чувства между этими двумя людьми были глубоки, они были подобны чистому льду и осенней луне. То, как она себя повела, было слишком. Поэтому, когда вино согрело, а цветы благоухали, и атмосфера была подходящей, она сказала Фу Мину: «Мин-эр, есть еще одно дело, над которым тебе придется потрудиться».

Фу Мин с улыбкой ответил: «Старая госпожа, пожалуйста, скажите».

Госпожа посмотрела на Жэньлань: «Лань-эр в следующем году выйдет замуж. Девушке, выходящей замуж, нужно не только наставление от пожилой женщины, как я, но и наставление от отца и старшего брата. Синюань не может справиться, а Цзинь И занят государственными делами и просто не может отлучиться. Мин-эр, ты, как и Цзинь И, старший брат Лань-эр. После Нового года тебе придется уделить Лань-эр больше внимания».

Фу Мин сначала удивился, но, поняв смысл слов старой госпожи, с улыбкой согласился. Жэньлань также улыбнулась: «Прошу, брат Мин, наставляй меня больше».

Чжаоянь, сидя на коленях у Фу Мина, поднял голову и сказал Фу Мину: «Папа, и меня тоже учи».

Фу Мин, смеясь, погладил его по голове и спросил: «Все, что я учил тебя читать в прошлом месяце, ты выучил наизусть?»

«Выучил!» — сказал Чжаоянь и, покачивая головой, начал декламировать:

«Небо и земля черны и желты, Мир необъятен и безграничен. Солнце и луна заходят, звёзды выстраиваются в ряд. Холод приходит и жара уходит, осень собирает и зима хранит. Високосные годы складываются в столетия, ритм солнца настроен. Облака поднимаются, вызывая дождь, роса замерзает, превращаясь в иней...»

Чжаоянь долго декламировал, прежде чем остановился. Старая госпожа так смеялась, что ее глаза почти исчезли, и она спросила его: «Янь-эр столько выучил, а писать он все это умеет?»

Чжаоянь кивнул: «Умею! Папы и тетюшка научили меня писать, держа за руку».

Фу Мин сказал: «Янь-эр быстро осваивает чтение и письмо».

Цзинь И, однако, сказал: «Просто иногда он недостаточно сосредоточен и усидчив, не может усидеть спокойно и часу, как уже начинает шалить».

Жэньлань улыбнулась: «Старший брат, я слышала от нескольких сестер, у которых есть дети, что дети редко бывают спокойными. То, что Янь-эр может спокойно сидеть полчаса, уже неплохо».

Старая госпожа поманила Чжаояня: «Иди сюда, иди сюда, мой хороший, какой же ты милый!»

Чжаоянь сполз с коленей Фу Мина и бросился к ней в объятия. Старая госпожа погладила его по щекам и рукам, смеясь: «Наш Янь-эр снова подрос, и потяжелел, как хорошо!»

Чжаоянь рассмеялся: «Вы все такая же, как в прошлом году, совсем не постарели!»

«Смотри, какие сладкие слова, удивительно, что ты такой милый!» — сказала старая госпожа. «Но прабабушка все равно стареет, и когда Янь-эр еще подрастет, она станет еще старше!»

Хотя старая госпожа так говорила, но даже когда Чжаоянь заснул, она все равно продолжала бодрствовать.

Фу Мин сказал Цзинь И: «Старая госпожа в прошлом году тоже долго бодрствовала. Тогда я волновался, кто знал, что на следующий день пожилая женщина будет в хорошем настроении».

Цзинь И сказал: «Старая госпожа сильная, каждый канун Нового года она старается бодрствовать с нами до поздней ночи».

Цзинь И сказал, Фу Мин поверил, то, что не было сказано, Фу Мин тоже знал. Вероятно, из-за того, что в семье Цзинь было мало людей, старая госпожа не могла рано ложиться спать, оставляя нескольких детей в одиночестве встречать Новый год.

Но в этом году, хоть старая госпожа и бодрствовала допоздна, но все же не так долго, как в прошлые годы. После третьей стражи она позволила Цин Фэн помочь ей вернуться в комнату и лечь спать.

Как только старая госпожа ушла, Жэньлань улыбнулась: «В этой комнате слишком жарко, я хочу вернуться в свой двор и поиграть с девочками. Сестра Синьюэ, пойдем со мной, мы развлечемся, и эта ночь пройдет легче!»

Молчаливая до сих пор Синьюэ, услышав это, кивнула и встала. Взявшись за руки с Жэньлань, она попрощалась с Цзинь И и Фу Мином и ушла. Других господ здесь не было, поэтому Цзинь И тоже вместе с Фу Мином отправился в Фан Мань Тин.

Снег на дороге хоть и был убран, но по обочинам еще лежал, выпавший несколько дней назад. Легкий отблеск снега сливался с туманным светом фонарей, струящимся из-под карнизов вдалеке. Они шли неспешно, держась за руки, в полумраке фонарей.

Глубокая ночь была ясной и тихой. Цзинь И сказал Фу Мину: «Есина, пойдем со мной посмотреть фонари на улице».

Фу Мин с улыбкой ответил: «Хорошо. Я так давно не смотрел на фонари, пойдем вместе!»

В начале весны, в ночь Праздника фонарей, яркая луна висит над ветвями ивы, а огни на улицах освещают прекрасных девушек.

В отличие от богатых семей, которые проезжали по улицам в роскошных каретах, с сопровождающими впереди, величественные, но скучные, Цзинь И и Фу Мин шли вдвоем. Они даже отослали слуг далеко, и вдвоем пошли в шумное, освещенное фонарями место.

Фу Мин оглянулся по сторонам и с улыбкой сказал Цзинь И: «В этом году снова все по-другому, чем в предыдущие. Посмотри на эти длинные гирлянды, свисающие с ветвей деревьев, они выглядят как изливающийся звездный поток. А те, что на подставке, такие маленькие. Они собирают воедино картину яркой луны между соснами. Это довольно интересно. И там...»

Цзинь И следовал за указаниями Фу Мина, внимательно разглядывая все, и тоже кивнул,

смеясь: «Действительно, все хорошо. А те фонари рядом, хоть узоры и не очень, но цвета выглядят тоже хорошо».

«Угу, ярко-красные и пурпурные, хотя и немного ярковатые, но не кажутся безвкусными».

Они двигались в толпе, их глаза, казалось, не замечали осенних взглядов, бросаемых смущенными девушками, которые проходили мимо, и не подбирали шелковые платки и шпильки, случайно или нарочно упавшие у их ног. Музыка и пение рассеивались с восточным ветром в ночном небе, освещенном лунным и фонарным светом. Толпа и длинная очередь танцующих драконов двигались, как река. В ушах и глазах царило шумное великолепие. Находясь среди всего этого, они, казалось, забыли о многом, видя только радость перед собой и помня о человеке рядом.

Неизвестно, когда их пальцы переплелись, они были обычной парой, тихо скрывающейся в море людей, и единственными друг для друга в толпе из тысячи, десяти тысяч прохожих.

Постепенно лунный диск смещался на запад. Они прошли от места, где было много людей и ярких фонарей, к месту, где фонари горели тускло. Под ивами, у длинной реки, они были обычной влюбленной парой, каждый зажег по одному фонарю в виде лотоса. Фитильки мягко покачивались на легком ветру, словно выражая их сердца.

Зажигая фонари, они закрыли глаза и загадали желание. Фу Мин про себя проговорил:

«Пусть каждый год будет таким же, как сегодня».

Цзинь И посмотрел на спокойное и искреннее выражение лица Фу Мина и тоже глубоко помолился в своем сердце:

«Пусть мой дорогой будет спокоен душой и телом, и пусть мы будем вместе каждый год».

Когда они возвращались в поместье с улицы, хоть фонарей у них и не было, но их сопровождал лунный свет, словно вода.

Во дворе Фан Мань Тин висели фонари между деревьями, и тени деревьев вместе с тенями от фонарей падали на извилистую тропинку. Цзинь И вдруг вспомнил, как в начале прошлой весны, когда он вернулся с войны, он увидел такую же картину. Прошел год, двор остался тем же двором, но для него все уже изменилось.

Закрыв занавеску, чтобы не пропускать свет, и прижав теплое тело к себе, Цзинь И ощущал, как их кожа соприкасается. Ему хотелось никогда больше не расставаться, его сердце колотилось, дыхание было глубоким, когда он произнес: «Есинь».

«Мм?»

«Этой ночью я видел так много ярких и прекрасных фонарей, но мне кажется... мне кажется, ни один из них не сравнится с твоими глазами, когда ты смотришь на меня сейчас».

Луна устала, фонари потускнели, но люди, владеющие друг другом, чувствовали, что ночь еще не закончилась, чувства были сильны, а страсть — еще горячее.

—